

В. В. ГРИЦКОВ

РУСЫ И КАВКАЗ

(к постановке проблемы о генетическом родстве русов и алан)

Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки.

Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит.

Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои.

Екклезиаст. Ветхий завет.

Господство в советской исторической науке теории о северокавказском происхождении русов законсервировало целый ряд направлений, разрабатывающихся русскими учеными царской России. Между тем работа, проделанная за последние десятилетия историками и археологами, дала обильные материалы, которые становится все труднее втиснуть в прокрустово ложе норманизма.

«Русский вопрос», включающий комплекс исторических проблем генезиса русского народа, несет колоссальную идеологическую нагрузку. Нежелание ученых ставить себя под шквал страстей весьма далеких от научных и избегание столь острой темы по-человечески понятны. К сожалению, политическая ситуация в стране такова, что удобная для историков позиция симуляции близорукости становится непопулярной роскошью. В эпоху, когда целый ряд фашиствующих идеоло-

гических течений делает ставку на национальную исключительность, русская тема, дающая ключ к решению проблем генезиса многих народов нашей страны, а следовательно, к росту взаимопонимания между ними и снижению национальных противоречий, требует ускоренной разработки.

Подобранные в предлагаемой работе в качестве примера фрагменты блока северокавказской информации не претендуют на полноту, но показывают, что проблема происхождения русов, видимо, значительно сложнее, нежели это представлялось противоборствующим течениям дореволюционных норманистов и антинорманистов. При этом следует учесть, что подобные комплексы имеются и еще по ряду регионов. Так, поскольку живых антинорманистов в настоящее время практически нет, было бы чрезвычайно интересно получить хотя бы от современных нормани-

стов обоснования скандинавского происхождения какой-то части кавказцев. Если некоторые раннесредневековые восточные известия о русах вполне определенно связываются с обитателями Северного Кавказа, то отождествление этих русов именно с кавказскими аланами выдвигается в качестве постановки проблемы. Хотелось бы выразить надежду, что ее решение заинтересует кавказских ученых.

I. Русы и Кавказ.

Единственным мусульманским очевидцем средневековых русов X в., свидетельство которого сохранилось до наших дней, был Ахмед ибн Фадлан. В 921 г. в Волжскую Булгарию было отправлено посольство багдадского халифа ал-Муктадира. В составе этого посольства в 922 г. ибн Фадлан побывал на Волге, где встречался с русскими купцами. Его рассказ о путешествии сохранился в трудах нескольких мусульманских авторов (26, с. 6—7). С русами находились и женщины, которых ибн Фадлан описывал так: «А что касается их женщин, то на (каждой) их груди прикреплена коробочка, или из железа, или из серебра, или из меди, или из золота, или из дерева в соответствии с размерами (денежных) средств их мужей. И у каждой коробочки — кольцо, у которого нож, также прикрепленный к груди» (26, с. 141).

Понять природу этих коробочек помогают сведения, сохранившиеся у Амина Рази (XVI в.), отражающие более полную, ныне утраченную редакцию сочинения Ахмеда ибн Фадлана: «Женщины тех мест, соответственно своему положению и количеству (своего состояния), делают коробочки из золота, серебра и дерева и, начиная с детских лет, привязывают их поверх груди, чтобы она не изменялась (буквально «оставалась в своем положении») и не делалась большой» (26, с. 71).

Этот обычай со времен антич-

ности и до XIX века бытовал на Северном Кавказе. На многих женских фигурах рельефов первых веков нашей эры, найденных в Приазовье, поперек груди изображена полоса, которую считают изображением корсета (31, с. 58). Судя по всему носили корсет и женщины, жившие в VIII—IX вв. на Большой Лабе: «Среди предметов кукольной одежды обнаружено женское платье... На верхнюю часть груди нашит прямоугольный кусок темной (по фотографии) ткани» (31, с. 68).

Обычай ношения корсетов был весьма популярным среди северокавказских народов. По словам Е.Н. Студенецкой, распространение их «было обусловлено этническими и социальными различиями. Они бытовали главным образом у адыгских народов, ранее у балкарцев, карачаевцев, осетин. Упоминания о ношении корсетов имеются почти у всех авторов XVIII—I-й половины XIX в., немало рассказано об обычаях, связанных с ними.

Чем было вызвано ношение корсетов? У каждого народа складывался свой идеал красоты. В классовом обществе он неодинаков у разных классов. На Северном Кавказе, в особенности у адыгских народов, идеалом женской красоты считалась стройная фигура, плоская грудь, тонкая талия, «равная по объему завязке для ноговиц», т. е. 50—55 см. Для достижения такого идеала на девочку 10—12 лет, как только начинала формироваться фигура, надевали корсет. Его шили из сафьяна или кожи более простой выработки. Он начинался очень высоко, почти от плечей и спускался до бедер. Спереди в корсет вставляли две довольно широкие деревянные пластинки, прижимавшие груди, препятствуя их росту» (32, с. 44). Пластинки делали не только из дерева, но и из серебра и из рога. Конечно, благородный металл применялся не для того, чтобы такая пластинка не была видна окружающим.

Возможно, к «нагрудным коро-

бчкам» ибн Фадлана восходят крупные нагрудные бляхи, засвидетельствованные среди женских украшений на Северном Кавказе. Так, «интересен рисунок Д. А. Милютина, изображающий чеченку в короткой до колен, сшитой в талию верхней одежде, надетой поверх рубахи и штанов. По подолу, бортам, вороту и рукаву она обшита галунами, а по обеим сторонам груди изображено по крупной бляхе... В работе В. И. Марковина опубликована надгробная каменная стела, схематически изображающая женскую фигуру. На ней весьма четко видны серьги или височные подвески, бляхи по сторонам груди... В украшениях народов Северного Кавказа прослеживаются устойчивые традиции, различные для западной, центральной и восточной части региона. Вместе с тем отдельные формы украшений (застежки, нагрудные бляхи, поясные пряжки) близки у всех народов, что свидетельствует как об общности культуры, так и о влиянии одного народа на другой» (32, с. 51, 65).

Широкое бытование и устойчивость северокавказской традиции формирования женской фигуры позволяет относить ее к разряду важных культурных традиций горского населения и предполагать ее значительную древность. В этой связи такой обычай можно сопоставить с известным со времен античности обычаем амазонок прижигать левую грудь у девочек для того, чтобы воспрепятствовать ее росту. Как античные, так и средневековые источники одним из основных мест пребывания амазонок называют область, лежащие рядом с Кавказом.

Русов ибн Фадлан описывает так:

«Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Атыл. Я не

видал (людей) с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, белокуры, красны лицом, белы телом. Они не носят ни курток, ни хафтанов, но у них мужчина носит кису, которой он охватывает один бок, причем одна из рук выходит из нее наружу» (26, с. 141).

В другом месте он дает более подробное описание русской одежды: «они надели на него шаровары, гетры, сапоги, куртку, парчовый хафтан с пуговицами из золота, надели ему на голову шапку из парчи, соболью» (26, с. 144).

Подобные формы одежды бытовали как на Северном Кавказе, так и у восточных славян. Из раскопок близ станицы Змейской известны островерхие шапки типа колпака, близкие по форме «калансуву» ибн Фадлана (31, с. 68).

Католический монах Георгио Интериано (2-я пол. XV в.) более тридцати лет прожил среди адыгов и оставил описание адыгской одежды: «Их верхняя одежда плащ из войлока, род католической рясы, которая носится на одном плече, оставляя на свободе правую руку; на голове войлочная шапка, острая будто головка сахара» (31, с. 75). Плащ из войлока — кавказская бурка, был в употреблении у многих горских народов.

В XIII в. Гильом Рубрук острый колпак и прикрывающий одно плечо плащ наблюдает у русских перевозчиков на Дону (31, с. 78). Эти два вида одежды были популярны у древнерусского населения: «Пожалуй, наиболее распространенной формой собственно шапки был колпак или калпак — высокий, кверху суживавшийся (иногда так, что верх заламывался и отвисал). Внизу у колпака были узкие отвороты с одной-двумя прорезами, к которым прикреплялись украшения — пуговицы, запоны, меховая оторочка. Колпаки были распространены чрезвычайно широко» (25, с. 83). И далее: «Из древней верхней одежды, общей для всех восточных сла-

¹Этой проблеме посвящена глава монографии В. А. Кузнецова «Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа», Орджоникидзе, 1980, с. 45—65. (Ред.).

вян, назовем гуглю, чуганю, чуню, манту. Бытовавший и в XVI—XVIII вв. у гуцул плащ-гугля — напоминал по покрою мешок, перевернутый вверх дном и с одного бока не свитый» (3, с. 127). Известны в обоих регионах и куртки, и гетры-ногoviцы, и кафтаны, и шаровары.

Ибн Русте (30-е гг. Хв.) относительно шаровар русов дает следующее уточнение: «Шаровары носят они широкие: сто локтей материи идет на каждые. Надевая такие шаровары, собирают они их в сборки у колена, к которым затем и привязывают» (5, с. 269). Подобный обычай крепления штанов, правда другого покроя, известен у обитателей Кубани, оставивших Белореченские курганы: «Штаны заправлялись в обувь и закреплялись на ногах наряду с верхним шнурком еще ниже колен особыми подвязками с серебряными позолоченными пряжками» (31, с. 72).

Короткие штаны и кожаные чулки известны на Кавказе по материалам Моцевой Балки с VIII в. В результате «варварского» влияния в Византии в X—XII вв. во всеобщее употребление вошли аналогичные короткие до колен штаны и чулки (31, с. 134). Кто выступил законодателем этой моды — кавказцы, другие народы, или она возникла в Византии в результате развития более ранних варварских заимствований, — неизвестно.

Во время балканских войн киевского князя Святослава с византийцами, состоялась его встреча с императором Цимисхием. Лев Диакон приводит описание внешности князя, восходящее к кому-то из очевидцев этого события: «Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не слишком низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос — признак знатности рода; крепкий за-

тылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вде́та золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамлена двумя жемчужинами. Одежание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой» (29, с. 82).

Если мы вновь обратимся к Интериано, то нечто подобное увидим во внешности адыгов: «Ходят они в длинных усах и постоянно носят с собой огниво в красивой кожаной мошне, вышитой их женами, а также бритву и оселок, чтобы точить эту бритву, которою они бреют голову, оставляя на макушке длинный чуб» (31, с. 75).

В более раннее время такая прическа среди адыгов была признаком знатности. Так, согласно свидетельству Юлиана (XIII в.), «все мужчины голову бреют совсем, исключая людей знатных, которые в знак благородства оставляют немного волос над левым ухом, обрив всю голову» (27, с. 50).

Подобный внешний облик был популярен на Украине, особенно среди запорожских казаков. Длинный чуб на гладко выбритой казачьей голове назывался «оселец». Носили они и усы, и серьги. «У казаков, особенно запорожских, приняты были длинные усы, свисавшие значительно ниже подбородка. Иногда они были настолько длинны, что их концы закладывали за ухо... Распространенным мужским украшением была серьга в форме полумесяца, которую запорожские казаки носили в одном ухе». Традиционной одеждой казаков были широкие шаровары; запорожцы, как и древние русы, подвязывали их шнурками поверх сапог (25, с. 116, 120).

Этнографические и археологические материалы Кавказа дают богатую пищу для аналогий с элементами культуры восточного славянства. Укажем, к примеру, женские рогатые головные уборы, распро-

страненные, например, у русских (кичка рогатая), которые также носили замужние женщины (32, с. 60).

Еще скифы носили одежду с ложными рукавами, имеющую сходство с позднейшей одеждой с разрезными рукавами, бытовавшей на Кавказе и Руси: «существовали плащ-халаты с очень длинными ложными рукавами, носившиеся внакидку. Такие плащи в основном изображались в ритуальных сценах на женских фигурах золотых бляшек из курганов IV—III вв. до н. э. Куль-Оба, Карагодеуаш, Чертомлык и Верхний Рогачек» (31, с. 25).

Черты сходства в одежде, языке, архитектуре позволили Л. И. Лаврову сделать следующее заключение: «Адыго-абхазское плетенное и обмазанное глиною жилище (унэ) с четырехскатной соломенной крышей имеет много общего с украинской «хатой» (название, видимо, родственно аварскому «хиати» — «глина» — В. Г.), на что указывал еще Ф. Волков. Этот тип жилища существует и у славян и у адыгов с глубокой древности. Можно найти немало древних общих черт и в других сторонах материальной культуры адыгов и славян, а также в их фольклоре (например, в легендах об убийстве стариков), старых языческих верованиях и даже народных мелодиях. Не отрицая сходства старой материальной культуры, фольклора, мелодий и верований адыгов с этими же сторонами быта народов Восточного Кавказа и Закавказья, все же нужно признать, что из всех кавказских народов этнографически наиболее близкими к восточным славянам являются адыги» (25, с. 45).

Ибн Русте (X в.) сообщает о похоронном обряде русов: «Когда у них умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда» (16, с. 398). Подобный обычай существовал на Северном Кавказе. Эта традиция захоронений в подземных и полуподземных каменных склепах, наибольшее распростране-

ние которых приурочено к горным районам Карачая, Балкарии, Осетии и Чечено-Ингушетии (11, с. 89). Происхождение таких погребальных сооружений связано с исконными обитателями Кавказа и время их возникновения уходят в глубь веков. Сходная традиция известна и в более северных районах — в Киевской Руси и даже в Скандинавии (28, с. 24).

Наибольшее количество культурных параллелей между русами средневековых известий и Кавказом ведет в западную его часть. Этот район привлекает внимание еще и обитанием одного загадочного горского народа. Так как тюркские языки не допускают звук «р» в начале слова, русы именуются в них чаще всего как «урус». Еще в XIX в. часть тюркоязычных карачаевцев носила имя урусбиевцев. Согласно свидетельству И. Ф. Бларамберга (р. 1880, ум. 1978), «Карачаевцы называют своих князей «би». Самыми известными у них являются семейства Крым-Шошали, Уруз-би и Мудари» (1, с. 424). Имя русов среди карачаевцев было известно и несколько раньше. Так, Генрих Юлиус Клапрот (р. 1783, ум. 1835) писал, что: «Карачаевцы называют своих князей «бей» и тремя наиболее знатными семьями из них являются Крым-Шошали, Урусби и Мудари» (1, с. 247).

Но может имя урусбиевцев имеет с именем русов чисто случайное сходство? Существует возможность обратиться к мнению самих урусбиевцев. В 1881 году ученик Владикавказского реального училища С. Урусбиев, житель села Урусбиево, опубликовал собранные им предания своего народа. Среди этих сказаний имеется рассказ о нарте Рачикау, отцом которого был некий Бедене, русский переселенец, пришедший к нартам; «те радушно его приняли и выдали за него невесту без «калыма». Бедене поселился в ауле Кинте и занимался исключительно рыболовством» (33, с. 27). От внебрачной связи Бедене со служанкой местной княгини родил-

ся Рачикау. Как и многие герои мифов, он младенцем был брошен в ящике в реку, но все закончилось для него благополучно. «Рачикау рос скоро и сделался славным нартом; вести про его джигитство разнеслись по всем нартским селениям. Услышал про него и храбрый нарт Сосруко, живший на плоскости» (33, с. 30). Если Сосруко выступает в предании в роли самого могучего нарта предгорий, то Рачикау — в роли богатыря гор. Друзья его говорили: «Да не умрет в горах Рачикау!» Недруги бранили: «Оруслудан туйгал оруслуга», что в переводе означает «русский рожденный русским».

Такие герои как Рачикау, где «кау» видимо адыгское «къуз»-«сын», часто являют собой образ первопредка, эпонима какой-то из групп горцев. По крайней мере именно так называется группа горных грузин-рачинцев. В урусбиевском сказании о Рачикау миф предстает в сильно деградированной форме. Но ему имеются параллели в лучше сохранившемся осетинском эпосе. В нартовских сказаниях осетин русу-Бедене, судя по деяниям героев, соответствует нарт Хамыц, а Рачикау — Созырко (30). Примечательно имя брата-близнеца Хамыца — Урыза-Урызмага.

Сходство имени Урыза с Тюркскими формами имени русов, возможно, не случайно.² Целый ряд других нартовских имен осетинского эпоса имеет тюркское происхождение, что говорит о позднейшем воздействии тюркской культуры на формирование нартовского эпоса. Имеется и другое объяснение происхождения имени Урыз, т. к. имя русов у осетин бытует в форме «урыс».

² Трудно согласиться с автором в вопросе о тюркском происхождении имени Урызмага. По справедливому утверждению В. И. Абаева, Урызмаг (Урузмаг) — иранское имя, засвидетельствованное в форме Warazman (Varazman) и распространившееся у многих народов Кавказа, естественно, в соответствующем преломлении. См.: Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1989. Т. IV. С. 127. (Ред.).

Конечно, культурные параллели, сколько много бы их не было, сами по себе не могут служить достаточным доказательством обитания русов средневековых известий на Кавказе, но они говорят о том, что поиск таких доказательств занятие не совсем безнадежное.

2. РУСЫ РЕКИ САКИР

В XII в. на острове Сицилия при дворе норманнского правителя жил арабский географ Абу Абдаллах Мухаммад ал-Идриси (ок. 1100 — 1164). В шаувале 548 года хиджры (20 декабря 1153 г. н. э.) он закончил работу над рукописью «Нузхат ал-муштак фи хтирак ал-афак» («Развлечение страстно желающего странствовать по земле») и картой мира. Им была проделана гиганская работа по сбору и обобщению географических знаний того времени. Большой объем сведений ал-Идриси относится к средневековым русам. В частности он пишет: «А русов (ар-Русийа) два вида. Один вид — это тот, о котором мы говорили в этом месте, и есть другой вид, это те, что (живут) по соседству со страной Ункарийа и Джасулийа» (3, с. 218).

Один вид русов Ал-Идриси, находившихся рядом с Ункарийей — Венгрией, на его карте размещен от Днепра на востоке, до Днестра на западе и традиционно отождествляется с областями Киевской Руси (17, с. 4).

Второй вид русов состоит из трех русских городов или областей — Артан, Киниу, Салав, размещенных между рекой Русией — Доном и Атилем — Волгой. Севернее трех групп русов лежит водная система: река Шалви, впадающая в большое озеро Ганун. Озеро Ганун можно отождествить с самым крупным в междуречье Волги и Дона озером Маныч-Гудило.

В бассейне реки Сал, протекающей севернее Маныча, имеется целый ряд названий рек содержащих

корень «сал»: Джюрюксал, Карасал, Адже-сала, Гичин-сала. Подобные названия есть и в бассейне реки Западный Маныч: Кюкрюк-сала, Хулжун-сала, Цацын-сала (53). Возникает подозрение—не имеет ли имя Шалви-Салви генетическую связь с названием реки Сал? Сходство звучаний вещь довольно обманчивая, но в данном случае, возможно, дело обстоит несколько иначе.

В арабских рукописях буква «с» часто заменялась на «н», так как написание их весьма схожее (17, с. 23). Название озера Ганун только одной буквой «н» отличается от серии названий рек носящих имя Гашун (Гасун). Бассейн Сала: Большой Гашун, Малый Гашун; бассейн Маныча: Гашун-сала, Гашун-уста, озеро Гашун-амппе (53).

Сал вбирает притоки и впадает в Дон, но ранее географическая ситуация могла быть несколько иной. Согласно «Книги большому чертежу» (XVII в.), в Дон впадал ряд рек с именем Сал: Черный Сал, Сасык-Сал, Юрик-Сал (40, с. 35). Видимо позднее они и составили современный Сал. Какой речная сеть в этом районе была во времена информаторов ал-Идриси, достоверно не известно. Факт впадения в Ганун северных рек можно трактовать как впадение в Западный Маныч части будущих притоков Сала и в первую очередь самого южного из них — Юрик-Сала XVII века. Однако образ водной системы древней карты имеет более сложную природу нежели это предположение.

Истоки Шалви лежат значительно севернее волгоградской излучины Итиля-Волги, что дает основание сблизать ее не только с Салом, но и с Доном. Тогда и озеро Ганун приобретает черты, роднящие его с Азовом. Причина такой двойственности кроется в предшествующей географической традиции. В сочинении ал-Хваризми дано несколько разных описаний Азова-Меотиды (22). Одно описание у ал-Идриси было использовано при формировании образа приднепровского озера Тер-

ми, известного в античную эпоху под именем Амодока, другое повлияло на создание образа озера Ганун.

От озера Ганун начинаются горы, тянущиеся в юго-восточном направлении и обозначающие Главный Кавказский хребет. Южнее областей восточных русов протекает река Сакир. Ал-Идриси говорит о ней следующее: «она представляет собой рукав, который подходит к городу (Матрахе-Тмутаракани, — Г. В.) от реки Атил, а главное русло последней идет к городу Атил, что на море Табаристана» (Каспийское море, — Г. В.) (3, с. 212).

О том, что от Волги отделяется рукав, впадающий в Черное море, знают и другие авторы. Так, Ал-Мас'уди (ум. 956/7) рассказывая об одном из походов русов на Закавказье, писал: «Пришли около 500 судов. На каждом судне было 100 человек. Вошли они в прилив Нейтаса (Черное море, — Г. В.). Здесь находятся люди хазарского царя, стоящие на страже в большом числе. Они удерживают как тех, кто приходит со стороны этого моря (Нейтас), так и тех, кто приходит со стороны этой суши, суда которой находятся в хазарской реке, соединяющейся с рекой Нейтас...

После того, как пришли суда Русов к людям хазарским, стоящим на страже у устья (вышеупомянутого пролива), послали они (Русы) к хазарскому царю просить, чтобы им было разрешено пройти через страну его, спуститься по реке его и войти в Хазарское море (Каспийское море, — Г. В.)... Он дал им согласие на это. Вошли тогда они в (вышеупомянутый) пролив, достигли места втечения реки в него и стали подыматься по водяному проходу, пока не дошли до хазарской реки и не спустились по ней до города Итиля. Она (река хазарская) есть река великая и обильная водой» (61, с. 86). В другом месте ал-Мас'уди сообщает: «В верховьях реки Хазарской есть место втечения, сое-

диняющееся, с рукавом моря Нейтас» (61, с. 85).

О какой-то кавказской реке, отождествляемой с Тереком, пишет армянский географ VI в.: «За Дигорами в области Ардоз Кавказских гор живут Аланы, откуда течет река Армна, которая направляясь на север и пройдя бесчисленные степи, соединяется с Атлем» (36, с. 78).

В настоящее время ни одна река Кавказа не впадает в Волгу, но в раннее средневековье ситуация могла быть иной. Уровень Каспия, например, в конце VI в. н. э. был на отметке —32 м, что на несколько метров ниже современного. Дельта Волги вследствие этого была значительно смещена к югу (42, с. 88).

Существует еще один фактор. Например, для Дуная геологическими исследованиями выявлена общая закономерность изменений — перемещение дельты с юга на север. «Происходит это в виде постепенного отмирания южных устьев и образования новых, северных» (35, с. 244).

В какой-то мере эта закономерность характерна и для Волги. Сарпинские озера являют собой остаток древнего волжского русла, впадающего в Каспий значительно южнее. Волга на карте ал-Идриси в своем нижнем течении отклоняется к югу и впадает в Каспий напротив города ал-Байда, который помещен в глубину материка. На карте Каспийского моря Петра I город Албайда показан уже на берегу Каспия у впадения в море одного из рукавов Терека (47). Город Семендер, у ал-Идриси отстоящий от берега, на императорской карте также размещен у кромки моря. Из этого можно сделать вывод о том, что карта ал-Идриси отражает эпоху пониженного уровня Каспия.

На карте начала XIX в. от дельты Волги в юго-западном направлении уходит старица, заканчивающаяся в степи. От ее окончания к устью Кумы тянется цепь озер — остатков этой старицы (39). Конфигу-

рация нижнего течения Атиля ал-Идриси восходит к тому времени, когда эта старица была основным руслом Волги.

Столица хазарского каганата Итиль, помещенная ал-Идриси у берега моря, в более позднюю эпоху должна была скрыться под водой. Такие предположения выдвигались и знаменитый город предлагали искать на морском дне в районе Астрахани, однако данные древних карт говорят о более южном расположении — напротив Кизлярского залива.

Следуя логике этих карт, нужно признать, что возможность соединения в прошлом с Волгой кавказских рек Кизляра, Кумы и Терека не исключена.

Сакир, у впадения в Черное море, представляет собой Кубань. Верховья Кубани близко соприкасаются с верховьями как Кумы, так и Терека. Речной маршрут Кубань—волок — Терек (Кума) мог существовать. Находки монет и сасанидской посуды отмечают торговый маршрут, функционировавший с VII в. Предполагается, что он проходил от Каспия вдоль Терека, Сунжи, снова Терека и его верхних притоков, а затем вдоль Кубани к Керченскому проливу (51, с. 17).

Смещение водно-сухопутных путей с чисто водными в средневековой географической традиции было явлением широко распространенным. Так, на карте барона Сигизмунда Герберштейна (1566), бывшего в России, Дон соединяется с Окой, Днепр с Неманом, Волга с Волховом (48, XVI). На карте Дженкинсона (1562), также посетившего Московское царство, Днепр соединяется с Западной Двиной, Волга с Днепром, Двиной и Онегой (48, XVII).

Возможно, свидетельством торгового пути являются два одноименных притока Кубани и Кумы — Барсукли, расположенных почти по прямой линии (39).

В географическом плане интересна система рек и озер Кумо-

Манычской впадины. По В. Моложавенко, «закраины озера Маныч-Гудило столь мало возвышаются над уровнем воды, что во время ее подъема происходит слив то в Западный Маныч, то, наоборот, в Восточный. Были случаи (в особенности после ливневых дождей в 1973 и 1974 годах) когда одновременно сливались воды и на запад, и на восток (55, с. 120).

Географические данные говорят о связи озера Маныч-Гудило с Западным Манычем (38, с. 46—47), причем Калаус одним рукавом впадает в Маныч-Гудило, другим в Восточный Маныч (55, с. 120). В более многоводную эпоху, чем сейчас, сплошной водный путь из Азова в Каспий через Кумо-Манычскую низменность мог функционировать по обоим Манычам, озеру Маныч-Гудило, либо при дополнительном участии Калауса и Кумы.

Представления о единой речной системе Кубань — Терек (Кума) — Каспий (Волга), либо Дон — реки и озера Кумо-Манычской впадины — Каспий (Волга) могли внести свой вклад в формирование образа реки Сакир ал-Идриси. Но на карте имеются отличия от этой схемы. Отделение Сакир от Атиля происходит значительно выше дельты, что соответствует указанию ал-Мас'уди о месте втечения в «верховья реки». Считается, что Атиль ал-Идриси состоит из Волги до места впадения Камы, Камы до впадения Белой и реки Белой (17, с. 12).

Судя по конфигурации Атиля, характерному волжскому изгибу и указанию текста ал-Идриси об отделении Сакир от Атиля после того, как последний «отклоняется в южную сторону», место отделения следует искать южнее Волгограда. На более соответствующим информации сицилийца следует признать район п. Старица (38, с. 35—36). Севернее этого поселка в районе п. Каменный Яр береговая линия образует выступ. Его можно соотнести с горой карты, южнее которой Сакир отделяется от реки. На юг

от п. Старица тянутся следы древнего волжского русла выходящие к озеру Сарпа.

В пользу этого предположения говорит и то, что город Булгар ал-Идриси, согласно этих же данных, находился в районе п. Болхуны, чье название, видимо, отражает древнюю традицию. Более известны северные камские булгары и их столичные города Биляр и Булгар, но интересующий нас город был в земле южных, «внешних булгар» арабских авторов, или «нижних», «хвалиских» булгар русских летописей. Булгар, бывший важным перевалочным пунктом на караванных путях, неоднократно упоминался в восточных источниках в связи с торговой деятельностью и русами, и именно к нему выводила Сакир.

Имеется интересная информация и о более северном районе. Это место примечательно тем, что отсюда начинался сухопутноречной путь из Волги в Азов. Адам Олеарий, описывая свое плавание по Волге в 30-е гг. XVII в., сообщает: «Сейчас же ниже Царицына лежит с правой стороны, остров Сарпинский, длиною в 12 верст... За этим островом из реки Дон впадает в Волгу небольшая речка, по которой могут ходить только челноки и самые легкие лодки; об этом рассказывал не только наш лоцман, но говорили и некоторые из наших рабочих, раньше бегавшие с казаками и плившие по этой речке. На обычных ландкартах эта речка никем не обозначена, за исключением лишь Исаака Массы; она именуется у него Камоус» (56, с. 392).

Исаак Масса жил в Москве 8 лет — с 1601 по 1609 гг., был дружен с влиятельными московскими вельможами и, скорее всего, имел доступ к русским картам. Он и после 1609 г. неоднократно приезжал в Московию. На его карте 1633 г. наибольшее сближение Дона и Волги показано чуть ниже Царицына и здесь же река Камоус кратчайшим путем соединяет обе реки (48, XXX). Рядом с рекой имеется и пояснение

«pereuolok». Судя по всему, этот водный путь Массы, соединяющий два речных бассейна, пролегал по трассе современного Волго-Донского канала.

На карте Азовской губернии (1782) в том месте, где у Олеария и Массы в Волгу впадает Камоус, в Волгу впадает река Сарепта, расположенная по трассе современных Сарпинских озер и имеющая значительную протяженность (59). В других источниках она носит имя Сарпы и Сарпинки. Здесь уместно вспомнить сообщение Грена о том, что «на юге Волги есть и другое, старое русло. Оно идет от Ахтубы, направляется к Северному Кавказу и оканчивается у Кумы недалеко от Маджарских развалин. Калмыки, поселившиеся на теперешних местах уже в XVII веке, называют это русло Индетелезе-геркен-гель, т. е. старое русло Итилия» (41, с. 110). Так как убедительных опровержений этому свидетельству не имеется, можно считать, что сплошной водный путь от Азова до Волги, на котором настаивают арабские географы, существовал посредством старицы Волги и водной системы Кумо-Манычской впадины.

Сакир, на одном своем конце имея реалии Кубани, на другом выступает в качестве волжской старицы. На образ торгового пути Кубань-Терек (Кума) наложился образ еще одного маршрута, т. к. сведения арабских источников, это главным образом торговая информация.

Наиболее важным торговым маршрутом раннего средневековья, проходившим через бассейн Кубани, был Великий шелковый путь. А. А. Иерусалимская так характеризует кавказский участок этого пути: «Торговля шелком играла огромную роль в жизни раннесредневековых государств, поскольку шелк в ту эпоху ценился так же высоко, как золото. Особое место на этом пути занимал Иран, державший под своим контролем все продвижение шелковых тканей и сырья, облагая их высокими пошлинами. Это ста-

вило в тяжелую зависимость и те центры шелководства, которые возникли и к VI веку расцвели в пределах Византийской империи (включая Египет), и главного экспортера шелка — Китай, и выросшие вдоль «шелкового пути» согдийские центры Средней Азии и Синьцзяна. Все они были заинтересованы в непосредственных контактах друг с другом и, совершенно естественно, стремились миновать в своих сношениях сасанидский Иран. Единственно возможным путем (кроме морского, который, по самому уровню развития мореходства, не мог стать определяющим в торговых перевозках) был путь через Северный Кавказ. Караваны от Самарканда должны были идти к северу — вдоль Аральского моря, переправляться через Волгу, следовать по территории различных северокавказских племен, переваливая затем через Кавказский хребет — к причерноморским торговым факториям. Отсюда уже легко было попасть в пределы собственно Византии, в Средиземноморье, на Запад» (45, с. 3). Примерно так же греческий автор VI в. Менандр описывает «дипломатическую дорогу», по которой происходил обмен посольствами между Византией и Согдом в связи с «шелковой» торговлей (45, с. 3).

Археологические находки шелковых тканей в северокавказских могильниках показывают, что торговые маршруты шли через западнокавказские перевалы — Санчарский, Марухский, Клухорский, «которые выводили на юге как раз в районы, упоминаемые Менандром: в «Апсилию» (Абхазия), к Птиунту и крупнейшему перевалочному пункту черноморского побережья Кавказа — Фазису. Более же восточные перевалы, равно как и перегороденный сорокакилометровыми стенами сасанидской крепости Дербендский проход, имели совсем иную географическую и политическую ориентацию и приводили на юге в Иберию, Албанию и вообще в

Прикаспий, а не на Запад, куда направлялись китайские и согдийские купцы. Поэтому и они, и двигавшиеся на восток греческие торговцы предпочитали проходить через области «нейтральных», а впоследствии «провизантийских» западнокавказских племен» (45, с. 5).

В связи с этой информацией о торговых маршрутах, приводящих в Абхазию, обращает на себя внимание второе название реки Сакир, имеющееся на карте ал-Идриси, — Сагина.

Еще в середине I тыс. н. э. в Западной Абхазии обитало племя санигов, название которых почти идентично Сагине ал-Идриси (62, с. 48). О санигах упоминает ряд античных авторов, например, Арриан (II в. н. э.): «Рядом с абасгами — саниги, в земле которых лежит Севастополь» (50, с. 270). Античный Севастополь-Диоскуриада находился на территории современного Сухуми. Саниги упоминаются и позднее — в грузинских источниках XI в. (58, с. 18 и 51).

Восточнее устья Сакир-Кубани в Черное море впадает река Руссий-йу. Однако ее описание в тексте отличается некоторыми странностями. «Это большая река, вытекающая с высот гор ал-Кабк. Далее она течет на север и пересекает землю ал-Ланийа. На ней нет известных городов, но по обоим берегам — населенные деревни и обильные посевы. Затем эта река течет на запад до тех пор, пока не впадает (в море) в этом (упомянутом) месте. По ней плавают небольшие лодки, которыми пользуются для перевозки легких вещей из числа товаров и припасов, переправляемых из одного места в другое» (3, с. 210). Эту реку ал-Идриси связывает с именем алан, часть которых, видимо, он и отождествляет с русами. Она имеет явные черты сходства с Кубанью, но близкое описание реки алан имеется у грузинского историка царевича Вахушти (1745): «По Алании протекает быстрая и большая река, называемая Каппетисцкали, которая

истекает из Рачинской горы, проходит из Сванетии в Аланию и, пройдя между двумя отрогами Кавказа, изливается в море с западной стороны Бичвинты. (Пицунды)» (43, д. 85). В реальности же реки, вытекающие из Рачинской горы и впадающей в море западнее Пицунды не имеется. Образ Каппетисцкали Вахушти обусловлен рядом пограничных рек Алании, но то, что какая-то река Абхазии связывалась с именем алан, имеет существенное значение.

О нападении алан на кашаков писал ал-Мас'уди (X в.) 49, с. 17). Епифаний (рубеж VIII—IX вв.), посетивший кавказское побережье Черного моря, помещает кашаков-косогдиан в районе Сухуми (46, с. 123).

Русы также проявляли интерес к этому региону. В поэме Низами Гянджеви «Искандер-наме», посвященной войнам с русами, экспансия последних начинается именно с Абхазии (15, с. 358). О проникновении в этот район представителей северных племен свидетельствует и Житие св. Георгия Мтацминдели (ум. 1066): «В окрестности святой горы Афонской есть одно селение, называемое Либедиа. Место это гористое, пустынное и населено боргальцами (болгары), которые неразумны, скотоподобны и едят всякую нечисть... Св. Георгий Мтацминдели очень опечалился, что народ этот находится в таком заблуждении» (44, с. 13—15).

Аланы не ограничивались набегами из Предкавказья на территории, прилегающие к современному Сухуми. Их присутствие было более основательным. Так, «Худуд ал-алам» (X в.) указывает, что «Касек — город в стране алан, расположенный на берегу Черного моря; место богатое; в нем есть купцы» (60, с. 31).

Где же располагалась средневековая черноморская Алания? Вахушти так описывает одно из эриставств царя Леона (VIII в.): «С востока — маленькая река западнее Анако-

пий... с западной стороны — море и река Капоети, с севера — Кавказские горы, с юга — Черное море... Простирается она в длину от Анакопии до реки Капоети, либо до моря» (37, с. 44). На востоке это эриставство доходило до Анакопии — Нового Афона, на западе до реки Капоети-Бзипи и ограничивалось морем и горами. Но тут же Вахушти указывает: «Посадил (царь Леон эристава) в Цхоми (Сухуми) и дал ему земли за Эгриси — Анакопию с Аланией» (156, с. 44).

В другом месте Вахушти сообщает: «Запад от Анакопии есть Абхазия» (58, с. 76). Так как западной границей Абхазии считалась река Бзипи, то и Алания и Абхазия размещались примерно на одной и той же территории. Следовательно, Вахушти, говоря о событиях VIII века, применяет имя Алании к области, которая в его время была известна, как Абхазия. Тогда крупнейшая крепость Анакопия выступает в роли центра этой древней Алании. Это предположение подтверждает Абульфедда (XIV в.), как и Вахушти называющий оба имени: «К востоку от абхазов на берегу моря находится город Алан» (54, с. 196).

В 550 г. византийский император Юстиниан (527—565) направил войска на подавление восстания абасгов. Бои разгорелись под стенами сильнейшей Трахейской крепости, которую историки отождествляют с Анакопией (37, с. 17). Описание этой войны Прокопием Кесарийским (VI в.) сделало событие широко известным. По его словам, «Римляне взяли в плен жен начальников со всем их потомством; стены укрепления они разрушили до основания и всю страну опустошили жестоко. Так закончилась попытка абасгов отпасть» (37, с. 32).

Знаменитую войну следует сопоставить с более поздним сообщением. Так, Джуаншер Джуаншеряни (XI в.) пишет, что «самодержец Юстиниан, царь греков, воевал в Осетии, у пределов Авазгии, с

племенами хаскунов, ибо отложились они» (58, с. 27).³

Имена абхазов и абасгов при описании событий VIII в. и более раннего времени по каким-то причинам рядом источников отождествляются с именем алан. Либо абасги-абхазы заняли территории алан, прийдя из восточных районов, либо аланы носили племенное имя абасгов и были в этих местах позднее ассимилированы адыгскими племенами.

В этой связи более понятными становятся предания о проповеди апостолов на черноморском побережье. Источники сообщают о посещении апостолом Андреем Осетии, но одни утверждают, что из Осетии он пришел в Абхазию, другие, наоборот, — из Абхазии направился в Осетию (58, с. 18—22). Путаница в источниках всегда имеет веские причины и поэтому настоятельно требует выяснения. Путешествие Андрея за Кавказский хребет, при котором он добился миссионерского успеха, сомнительно, т. к. общий характер его проповеднической деятельности говорит скорее за пребывание в районах, находившихся под сильным влиянием эллинистической культуры. В этих цивилизованных

³ Отголоски преданий о деяниях этого императора были зафиксированы в Осетии П. С. Уваровой, сообщавшей, что, согласно византийским источникам, в окрестностях Харисджына «самим Юстинианом для защиты покоренных провинций от всегда непокорных жителей гор» сооружена знаменитая Кавказская стена (см.: Уварова П. С. Кавказ. Путевые заметки. М., 1904. Ч. III. С. 145—151). Не говоря о том, что в обширном регионе известно немало заградительных стен, получивших то же название, следует выразить сомнение в вероятности столь глубокого проникновения византийских войск в горы современной Северной Осетии. У нас пока нет на сей счет ни письменных, ни археологических данных, хотя сам факт участия восточных, по крайней мере, алан в арабо-византийских войнах на стороне хазар-союзников греков — бесспорен (см.: Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984). Не исключено, что эмиссары византийского императора действительно могли побывать здесь, но след, оставленный ими, видимо, оказался не очень глубоким. (Ред.).

местах было больше благоприятных предпосылок для распространения христианства. Поход, например, в менее цивилизованную, хотя и приморскую, т. е. близкую к очагам эллинистической культуры, Джикетию, окончился для Андрея неудачно. Не верить сказаниям о пребывании апостолов нет оснований.

Центром миссионерской деятельности апостолов в Авазгии, видимо, был город Никопсия, где Андрей оставил Симона Канонита и где Симон, скорее всего возглавлявший общину ранних христиан, был позднее похоронен. Никопсия лежала на побережье ограниченном с запада Пицундой, с востока Сухуми. На этом участке не так уж много примечательных мест.

В языке современных абхазов существует традиция приставления к началу заимствованных слов, начинающихся на согласную букву, буквы «а» (гастроном — агастроном). Анакопия, согласно народного предания, носит фамильное имя девы из рода Накопия. (37, с. 18). Ранний автор VIII в. Леонтий Мровели называет Анакопию Анакопсией (58, с. 25). Исходя из этого, вполне допустимо считать, что название Анакопии — это трансформированное со временем имя той же Никопсии. Грузинские источники подтверждают это предположение (43, с. 64). За это говорит и то, что могила Симона Канонита, похороненного, согласно сказанию, в Никопсии, находится в районе Нового Афона — Анакопии.

Для того, чтобы имя Алании-Осетии попало в сочинения X—XI вв., Андрею незачем было отправляться в далекое северное путешествие, осуществимость которого маловероятна. Достаточно было и его пребывания в связанной с именем алан Никопсии — Анакопии. В этом случае название аланского города Постапори, где Андрей и Симон «сотворили великие чудеса и множество народу обратили (в христианство) и просветили», будет, ско-

рее всего, еще одним именем Никопсии, быть может калькой с какого-то наречия.

Образ Кубани-Сагины переплетается у ал-Идриси с образом, судя по всему, абхазской реки Русийа, вдоль которой шел торговый маршрут. Истоки этого переплетения лежат в исторических событиях, протекавших на Кавказе.

В VI в. во время обострения соперничества Византии и Сасанидского Ирана, в том числе и за овладение торговыми путями, которые вели в Китай, константинопольские императоры принимают такие энергичные шаги по закреплению своего присутствия в Абхазии, как абасго-византийская война. Но спустя два столетия местные княжества усиливаются и в 70-х гг. VIII вв. создается Абхазское царство со столицей в Анакопии, освободившееся от византийской зависимости. В 30-х гг. XI в. Византия вновь приобретает Анакопию, уступленную царицей, по происхождению аланкой.

Эти обстоятельства говорят о том, что периоды прямого господства Византии над территориями Абхазии сменялись периодами независимости местных владетелей, обострение отношений с которыми не могло не влиять на характер функционирования торговых маршрутов. Путь Волга-Абхазия в зависимости от политической ситуации, мог меняться на маршрут Волга-Азов, что, видимо, и нашло отражение в двойственной природе рек ал-Идриси.

Рассмотрим другие данные этого географа. Расстояние от Трапезунда до реки Русийи определено им в 75 миль. Одна миля арабских авторов составляет 1973 метра, следовательно, 75 миль равны 148 км. Отложив в восточном направлении это расстояние, мы попадаем в район города Мусазаде (38, с. 185—186). Русийа на карте показана как довольно крупная река, в районе же Мусазаде значительные реки отсутствуют.

Примерно в сорока километрах

восточнее Мусазаде имеется крупная река Чорох. Эта река по своей конфигурации мало напоминает реку Русийю, но зато соответствует реке карты ал-Идриси, впадающей в море у города Трапезунда.

В окрестности современного Трабзона — древнего Трапезунда, в реальности нет больших рек, река же сицилийского географа под именем Руи тянется параллельно морскому берегу и имеет исток в горах западнее Синоболи (современный Синоп). В этих же горах на средневековой карте берет начало река Бартана, впадающая в море между городом Хераклиа (античная Гераклея, современный Эрегли) и Самастру (античная Амастрия, современная Амасра), ближе к последней, Река эта ничто иное, как античный Парфений, современный Коджа-Ирмак.

Расстояние между рекой Коджа-Ирмак и Трабзоном слишком велико, чтобы искать в окрестностях этого города реку, способную своими истоками приблизиться к его истокам. Точно так же нет восточнее Трабзона и рек, исток которых находился бы западнее Синопа. Видимо, образ суперреки ал-Идриси вобрал в себя реалии нескольких рек. Можно отметить также, что Коджа-Ирмак представляет собой начальное звено целой цепочки рек со сходными названиями, протянувшейся в восточном направлении: Коджа-Ирмак, Гек-Ирмак, Кызыл-Ирмак, Ешил-Ирмак, причем Келькит, приток последнего, в своих верховьях граничит с верховьями Чороха (38, с. 185—186).

Античный город Апсар, располагавшийся близ устья Чороха известен в летописях со времен Арриана, который считал это место «крайним пределом длины Понта», т. е. местом в географическом отношении примечательным (50, с. 396).

Восточнее Трабзона Чорох — единственная река, впадающая в Черное море с южной стороны, и именно с ним можно с большой долей уверенности отождествить

Руи ал-Идриси. Из этого можно сделать вывод о том, что информация об участке побережья между Трабзоном и Чорохом у ал-Идриси отсутствовала; это и привело к перемещению Чороха вплотную к Трапезунту. Мы вправе искать устье реки Русийи в 75 милях не от Трапезунда, а от устья Чороха. Это расстояние приводит нас к современному поселку Киндги. Несколько западнее его находится устье реки Кодори, в верховьях которой расположен Клухорский перевал.

При таком отождествлении необходимо, на всякий случай, учесть еще один фактор — черноморские течения. В Черном море в 2—5 милях от берега в направлении против часовой стрелки проходит основное морское течение шириной от 20 до 50 миль со средней скоростью 0,5—1,2 узла (34, с. 21). Оно служило причиной того, что расстояние между одними и теми же береговыми пунктами определялись по-разному, в зависимости от того, в каком направлении относительно течения совершались плавания (34, с. 57).

В нашем случае направление движения совпадало с направлением течения и при условии, что в распоряжении ал-Идриси была информация морского, а не сухопутного характера, река Русийя в реальности могла находиться несколько западнее указанного ориентира. Ал-Идриси в какой-то мере учитывал черноморские течения. Так, при описании плавания вдоль берегов Черного моря в направлении с запада на восток 1 день плавания приравнивается им к 80 милям, при плавании же с востока на запад, к 100 милям, таким образом, мы имеем расхождение на 20%.

Путь от абхазской Русийю в северном направлении выводит в бассейн Кубани. Дальнейшее движение к Волге наиболее вероятно по Калаусу или Большому Егорлыку. На карте XIX в. Калаус назван почти

также, как и Атиль-Волга — Атиль (39).

Область русов реки Сакир ограничивается с юга Кубанью, с севера Манычем, с востока Калаусом (Б. Егорлыком), с запада Азовом и Керченским проливом. Учitivая многозначность образа Сакир-Сагины, остается некоторая неопределенность в отношении верхнего течения Кубани и верховьев Кумы и Терека.

К этому же району примыкает связанное с образом Сагины еще одно местообитание русов ал-Идриси — абасго — аланская область района Анакопии.

В интересующем нас районе Западного Предкавказья историки размещают западноаланскую область Ас. В сочинении позднего балхского ученого-энциклопедиста Махмуда ибн Вали (XVII в.) есть описание этой области: «Асс — из седьмого климата, из городов западной половины обитаемой части света. Область Русь расположена поблизости к нему. Кутаба — из больших городов Асса. Большая часть его населения обитает в степях и на лугах. Богатство их — в основном верховые животные и скот, живут благодаря им. Их этой области вывозят мех и (среди них) весьма славятся русские меха. Мужчины Асса крепкие и рослые. Большая часть (их) христиане. Благородство среди них не встречается, ибо злодеяния и кровопролитие победили их естество. Когда кто-либо из них попадает в неволю, становится смиренным и послушным. В настоящее время из этой области вывозят в Рум и Мавераннахр большое количество военных доспехов, деревянную посуду, невольников и наложниц» (52, с. 15—16).

К обитателям Асса ибн Вали прилагает многое из того, что составляло описание русов арабскими авторами: русские меха, Кутабу (Куябу?), рослых мужчин, непристойный нрав, торговлю вооружением и невольниками. Приближает к этой области он и саму Русь.

Предпринимались попытки вывести имя северокавказских асов от античных обитателей приволжских степей аорсов, однако более уместно связывать его с северокавказскими средневековыми арсами. Это имя скорее всего восходит к индоевропейскому значению «белый», «светлый», т. к. древние источники изображают как алан, так и русов светловолосыми. К имени асов-арсов примыкают и племенные названия ясов и овсов.

3. АРСА

В средневековых арабских источниках неоднократно упоминается область русов — Арса (Арта). Попытки локализовать эту область предпринимались историками неоднократно. География поиска при этом была широкой, включала почти всю Восточную Европу и доходила даже до Дании (9, с. 109). Наиболее часто Арсу размещают в Ярославском Поволжье.

Переводы основных арабских известий об Арсе собраны в работе А. П. Новосельцева «Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.» (16). Дошедшие до наших дней свидетельства восходят к утраченному сочинению ал-Балхи (920—921) и, по всей видимости, отражают историческую реальность второй половины IX — начала X в.

Ал-Истахри (930—933): «Что же касается Арсы, то неизвестно, чтобы кто-нибудь из чужеземцев достигал ее, так как там они (жители) убивают всякого чужеземца, входящего в их земли. Лишь сами они спускаются по воде и торгуют, но не сообщают никому ничего о делах своих и своих товарах и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. И вывозятся из Арсы черные соболя и олово (свинец?)» (16, с. 411—412).

Ибн-Хаукаль (977—978): «... третья группа их называется ал-Арсанийя и царь их сидит в арсе, городе их. И достигают люди